

НЕКОТОРОЕ время назад меня разыскала молодая драматическая актриса Татьяна Кабанова:

— Надеюсь на вашу помощь... Видите ли, я взяла на себя смелость исполнить роль Вертинского в спектакле театра «Приют комедианта»...

— С чего начнем? — спросил я и сам же ответил: — С начала. А где оно? Может, в первой Киевской классической гимназии, о которой писал Константин Паустовский: «Со мной учились несколько юношей, ставших потом известными людьми в искусстве. Учился Михаил Булгаков, драматург М. С. Ромашов, режиссер Берсенева, ... певец Вертинский». Или в псевдониме «Граф Нивар», коим молодой Александр Вертинский подписывал фельетоны в местных газетах? Или в одном из дней 1912 года, когда он, приехав в Москву и поступив на юридический факультет МГУ, идет сдавать вступительный экзамен во МХАТ?

Экзамен был сдан успешно, но... «Вы, молодой человек, — сказал Станиславский, — нечетко произносите буквы «р»...» Назавтра Вертинский не нашел себя в списке принятых.

Я показываю своей гостье фотопортрет времен первой мировой войны. На нем Александр Вертинский — поэт, журналист, автор печатаемых «Киевской неделей» рассказов и начинающий актер немого кино — в форме брата милосердия 68-го санитарного поезда земского Союза городов. Он выносил раненых с поля боя и сам был ранен, после чего весной 1915 года вернулся в Москву.

Эта весна надолго, если не навсегда, подарила нам новую знаменитость. На сцене Мамонтовского театра миниатюр (ныне здание занимает Московский ТЮЗ) дебютировал с несколькими песнями на собственные стихи родоначальник российской авторской песни. Через месяц он уже премьер крупнейшего театра миниатюр — Петровского, а через год — всероссийская знаменитость.

В моей коллекции хранится фотография, запечатлевшая Вертинского, Шульженко и Козловского. Комментируя ее по моей просьбе, Клавдия Ивановна не без гордости вспоминала сказанное тогда Александром Николаевичем:

— Я уезжал из России Вертинского, а вернулся в Россию Шульженко...

«Уезжал»... Немногие, наверное, знают, что у драматурга Алексея Каплера есть сценарий неосуществленного постановки кинофильма «Чужие города» о Вертинском. Не берусь пересказывать его, но предлагаю вспомнить панику, описанную М. Булгаковым в романе «Бег»: белогвардейцы покидают Россию в обстановке страха и нервозности. Остается загадкой, как мог подчиниться этой панике человек, вскоре после Великого Октября написавший романс «Сердце в петлицу»:

И народу моему, большому
и прекрасному,
Победившему сего Сатану,
Мое сердце, окровавленное,
красное,
Как цветок, в петлицу
я воткну!

По сообщению Юрия Олеси, Маяковский, присутствовавший на премьере романса в Кафе поэтов, высоко оценил это произведение.

Остается неясным, почему покинул Родину поэт, не убоявшийся адресовать Деникину, поплававшему на верную смерть мальчишек-юнкеров, строки своей трагической песни «То, что я должен сказать»:

Не знаю, зачем и кому
это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожащей рукой...

Он и сам даже десятки лет спустя не мог найти в своей душе ответа. И признал: «Очевидно, это была просто глупость? Юношеская беспечность».

Но факт есть факт: весна 1920 года застала Вертинского на гастролях на юге России. Удивительное свидетельство той поры удалось мне заполучить от М. Беляева, рассказавшего, как в Ростов-на-Дону приехали «вожди» белой армии — Деникин, Май-Маевский и Романовский. Все трое пришли в театр на концерт, заняли ложу. Выступал Вертинский и, конечно же, исполнил «То, что я должен сказать». Зал откликнулся аплодисментами. Но в ложе реакция была другой: «Деникин не годовал, Маевский иронически улыбался... За Вертинским был послан адъютант. Не поздоровавшись, почти не глядя на Вертинского, Деникин прочитал ему нотацию: эта песня отнюдь не настраивает офицеров на борьбу с красными, более того, она декларирует бесцельность борьбы за единую неделимую Россию». Выговорив артисту,

Деникин сухо откланялся, давая понять, что больше не задергивает. И тут состоялся примерно такой диалог.

Вертинский: «Я намерен выехать за границу...»

Деникин: «Мы рассмотрим ваше намерение...»

Когда Александр Николаевич вышел, Деникин бросил ему вслед неодобрительное: «Смутьяни!» Романовский засмеялся, спросил: «А вы очень испугались этого певца из народа?»

Оказавшись в эмиграции, Вертинский сразу же понял, какую ошибку он совершил. И принялся хлопотать о возвращении, но — отказ, отказ, отказ!.. Отказы настигали его в Румынии и Польше, Германии и Франции, Америке и Китае... И лишь в 1936 году, — у меня есть документ из историко-дипломатического управления МИД

объявлены (14 аншлагов!). Что делать? Пришлось мне молниеносно записывать с его голоса и сделать аранжировку 28 песен. В дальнейшем эти партитуры были переплетены в альбом и сопутствовали Вертинскому в его концертах вплоть до отъезда на Родину».

С первых дней Великой Отечественной войны Вертинский — член Клуба советских граждан в Шанхае. Он создает цикл песен на стихи советских поэтов: Павла Шубина («Аленушка», «Куст ракитовый»), Константина Симонова («Редкие письма»), Павла Антокольского («Юность мира») и др. Премьеры этих патриотических песен проходят в том же Клубе, на сборы от нескольких концертов артист закупил вагон ценных медикаментов и отправил в Россию для госпиталей. «Великие испыта-

приглашает даму. Она продолжает: «Вы знаете, как мы все эти годы жадно ловили все, что приходит к нам оттуда. Вот ваши песни, песни Лещенко...»

Смотрю — каменное лицо Вертинского. Он говорит: «Простите, кого?»

Она: «Ну, вот ваши песни и Лещенко...»

«Простите, не очень понял, о ком вы. Был, кажется, такой... какой-то. Он что-то там пел в кабаках. Но я, знаете, я друг Шалапина, Блока, Рахманинова, среди моих друзей такого человека, как Лещенко, не было...»

Особый альбом отвел я теме «Вертинский в кино». Я уже писал, что Александр Николаевич начинал в немого кинематографе. До эмиграции он успел сняться в 18 фильмах («Король без венца», «Падающего толкни...»), причем некоторые были

Вертинский

Этот рассказ — о «короле русской эстрады». О человеке, носившем одежды шута и кардинала. О страннике, поэте и артисте Александре Николаевиче Вертинском, оставившем в истории отечественной культуры незабываемые, памятные, яркие страницы.

А родился рассказ из уникальной коллекции, которую сорок лет собирает ленинградец Николай Калмыков. В его удивительном собрании — фотографии и афиши, воспоминания современников и книги, пластинки и газетные вырезки, магнитофонные записи и малоизвестные документы... Познакомьтесь с ними и предлагает Н. Калмыков читателям «Труда», считая, что эта экскурсия в прошлое позволит им прикоснуться к легендарной судьбе.

СССР — получено уведомление о приеме А. Н. Вертинского в советское гражданство.

А вот еще реликвия — фото-портрет Ф. И. Шалапина, в общем-то известный, однако с автографом: «Великому сказителю земли русской Александр от странника Федора». Датирован он 1936 годом, когда Шалапин наведялся в Шанхай. Вертинский встречал его в порту — их связывала десятилетняя дружба. А вслед за тем у Александра Николаевича состоялась премьера песни «О нас и о Родине», где есть такие строки:

Проплываем океаны,
Бороздим материки
И несем в чужие страны
Чувство русское тоски...

Премьере сопутствовала грозная атмосфера. Задолго до концерта белоэмигрантские листки развернули травлю артиста — ему не могли простить получение советского паспорта. Звучали призывы бойкотировать концерт. Тем не менее, как зафиксировано в собранных мною рукописных мемуарах очевидцев, в день премьеры шанхайский театр «Лайсеум» был переполнен. Второе отделение Вертинский заканчивал песней «О нас и о Родине»: «А она цветет и зреет, возрожденная в огне...» После нее воцарилась такая тишина, что отчетливо слышались всхлипы зритель. И тут молодчики, нанятые для срыва концерта, начали орать, бросать на сцену гнилые помидоры. Вертинский отступил в глубь сцены, но не ушел. Когда порядок был восстановлен, он вновь исполнил ту же песню...

О шанхайском периоде рассказывает и подаренная мне афиша «Лайсеумтеатра» сезона 1937/38 годов. В ней значится оперетта Легара «Веселая вдова» с участием Вертинского — за ним была партия графа Данилы. Оказывается, Александр Николаевич пел и в оперетте.

Георгий Ротт, композитор и пианист, аккомпанировавший Шалапину, Вертинскому и другим знаменитостям, прислал по моей просьбе воспоминания о тех днях, и есть в них такой фрагмент:

«А. Н., едучи в Шанхай летом 1935 г., вез с собой два предмета — чемодан, в котором находились фрак, лаковые туфли, смена белья, и портфель с нотами. И умурился где-то портфель утерял, возможно, оставил на пароходе... Концерты уже

ния переживала наша Родина. Тысячи рук ее детей тянулись к ней из разных углов нашего рассеяния, умоляя простить их и пустить домой, — писал он, — чтобы помочь ей».

Друзьям, приходящим ко мне, я показываю афишу такого концерта, состоявшегося в 1943 году, незадолго до возвращения на Родину.

Почему он не вернулся тотчас после вручения советского паспорта? Кто знает. Только не забудем: сведения о набирающих в России силу репрессиях широко докатывались и за рубеж.

Наконец, в ноябре 1943 года он вновь на своей земле. По дороге в Москву, начиная с Читы, Александр Николаевич дает концерты (порою по несколько в день) во многих городах, и собравшиеся деньги перечисляет на восстановление разрушенных жилищ. «Человек лишь во вторую очередь имеет право быть артистом или кем-либо другим, — говорил он, — а в первую очередь он обязан быть солдатом своего Отечества. Горький опыт моей жизни учит этому, иначе нельзя».

Разумеется, я несколько не претендую на роль биографа А. Н. Вертинского, коллекция моя фиксирует лишь фрагменты его судьбы, его творчества. Но иные заметы так выразительны! Вот, например, собственное Вертинского определение: «Талант — это только право войти в комнату, где находятся гении». Вот слова Качалова: таких «поющих» рук, как у Вертинского, не было ни у кого, и артисты МХАТа ходили на его концерты, как на уроки жеста.

Он привлекал внимание многих. Позволю себе познакомить читателя с воспоминаниями А. Галича, относящимися к 50-м годам. Вертинский и Галич жили в соседних номерах ленинградской гостиницы «Европейская», и тогда:

«...был случай — я пришел довольно поздно. Звоню — Александр Николаевич спрашивает: «Вы ужинали? Пойдемте на крышу».

Летом работал там ресторан. Мы сидели, ужинали. Вдруг подходит к нам какая-то дама, очень пожилая, очень восторженная... «Александр Николаевич! Как я счастлива! Вчера была на вашем концерте, какое это счастье!»

Александр Николаевич расплывается в улыбку, он очень любил лесть. Придвигает стул и

поставлены по его сценариям на сюжеты собственных же романсов («Мадам Лулу», «Ваши пальцы пахнут ладаном»). И за рубежом снимался. Например, в фильме по сказкам «1000 и одна ночь» сыграл роль визири. Однако наиболее полно его талант киноактера проявился в советском художественном кино. В картине «Заговор обреченных», удостоенной Государственной премии, замечательно играл Вертинский кардинала, а в «Ане на шее» — ситательного князя.

С «Заговором обреченных» связан любопытный эпизод. После присуждения премии Вертинский встретился в театральном кафе с сатириком Эмилем Кротким и художником Иосифом Игнатычем. Кроткий на бумажной салфетке написал эпиграмму:

Вы перед зрителем кино
Предстали в облике
негаданном:
Вы — кардинал, немудрено,
Что ваши пальцы пахнут
ладаном.

Обыгрывался известный ранний романс Вертинского. Игн тут же набросал шарж, изобразив певца на черном фоне с пятью руками. И этот эпизод запечатлен в моем альбоме.

...Все это я и показал навестившей меня молодой драматической актрисе Татьяне Кабановой, решившей вместе с режиссером — артистом БДТ имени М. Горького Юрием Стояновым и концертмейстером-композитором Маратом Камиловым рассказать о Вертинском на сцене «Приюта комедианта». Потом я побывал на этом спектакле. Он мне понравился. Найдено удачное решение: ведь если бы роль Вертинского исполнял мужчина — не обошлось бы без подражания, да и зритель невольно искал бы сходства. Но Вертинского повторить невозможно, а копировать «короля русской эстрады» бессмысленно.

В заключение хочу напомнить о последнем концерте Александра Николаевича. Он состоялся 20 мая 1957 года в Ленинграде, на Петровском острове, в Доме ветеранов сцены, для товарищей и коллег, которые помнили его еще молодым.

Это было за день до смерти.

Н. КАЛМЫКОВ.

ЛЕНИНГРАД.

На снимках: А. Н. Вертинский (вверху); 1952 год — А. Н. Вертинский, К. И. Шульженко и И. С. Козловский; 1914 год — брат милосердия (внизу).